

НОМО ECONOMICUS: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.Г. Залевский (Томск)

Аннотация. Представлен общетеоретический взгляд на экономическое поведение, введено понятие фиксированных форм экономического поведения (ФФЭП) и обозначены основные критерии фиксированности, осуществлена попытка предварительной классификации форм экономического поведения и базовых экономических категорий, сущность и природа ФФЭП анализируется с позиции существующих сегодня объяснительных моделей фиксированных форм поведения.

Ключевые слова: экономическое поведение, фиксированные формы экономического поведения, экономические категории, ригидность–флексibilität, объяснительные модели.

Мой бедный отец беден не потому, что он столько зарабатывает (а зарабатывает он немало), а потому, что он так думает и действует.

Р.Т. Кийосава. «Богатый papa, бедный papa»

Развитие цивилизации, начиная с того момента, когда человек понял выгоду от обладания материальными ресурсами, движется в контексте обретения и преумножения собственности [17]. Также несомненным фактом является то обстоятельство, что способы и формы обращения с экономическими реалиями и, в самом широком смысле, виды экономического поведения индивидуальных и групповых систем связаны с необходимостью постоянной борьбы за существование, выживание и обретение власти над другими людьми через богатство, обладание материальными и денежными ресурсами. Эти обстоятельства позволяют говорить о персонификации не только homo ferrus и homo sapiens, но и homo economicus как особой форме человеческого бытия.

Человек, влияя на окружающие его пространства, стремится расширить и укрепить их границы, и прежде всего это происходит в сегодняшней реальности через экономические категории, которые выступают, в той или иной степени «напряженности», референтными критериями благополучия и удовлетворенности жизнью, счастья [1], социальной и личностной успешности.

Однако стоит отметить, что культурная, социальная, экономическая среда обитания личности – на уровне индивидуальной или групповой системы – характеризовались и характеризуются высокой степенью подвижности и изменчивости, что требует от индивида высокого уровня развития адаптационных ресурсов, креативности и флексibility [10]. Иными словами, вне зависимости от степени глобальности экономического пространства, в котором живет человек, нам нужно вести речь о своеобразной «фатальной переходности» экономической жизни личности, под которой мы понимаем необходимость тотального приспособления индивида к изменяющимся условиям жизнедеятельности на макроуровне – государство, этнос; мезоуровне – региональное экономическое сообщество, организация, предприятие; микроуровне – семья, личность.

Анализ экономического поведения отдельных людей или их сообществ с неизбежностью приводит к необходимости использовать понятие «фиксированные формы экономического поведения», под которыми мы понимаем акты поведения индивидуальных или групповых систем, повторяющиеся и/или продолжающиеся в ситуациях экономической реальности, объективно требующих их прекращения и/или изменения [14–16]. Например, трудовоголизма, «феномен Плюшкина» или «гэмблинг» – поведение игрока в казино, который надеется на «последний счастливый случай» и проигрывает все.

Массовое проявление фиксированных форм поведения, в том числе и экономического поведения, имело место в нашем обществе во время так называемой перестройки. Немалое число наших граждан, особенно представителей старшего поколения, испытывают и сегодня большие трудности адаптации к новым социально-экономическим условиям жизни, трудности расставания с привычками, стереотипами, которые упорно проявляются помимо воли людей, а некоторые вполне сознательно за них держатся и никак не хотят с ними расставаться, демонстрируя вновь и вновь фиксированные формы поведения, в том числе и экономического.

Прежде чем определить, в чем состоит суть фиксированных форм экономического поведения, обратимся к экономическому поведению как таковому. Большинство из имеющихся сегодня определений экономической психологии объединяются вокруг понятия «экономическое поведение», под которым «подразумевают разные внешне проявляющиеся формы активности индивидуального и группового субъекта по отношению к различным экономическим объектам» [9]. Вряд ли можно считать такое определение экономического поведения (как и вообще поведения) удовлетворительным, тем более исчерпывающим, поскольку оно отрывает «внешнее» от «внутреннего» – экономическое поведение от экономического сознания (и экономического бессознатель-

ного). В этой же работе А.Л. Журавлев и соавторы уточняют свое понимание их отношения: во-первых, экономическое сознание хотя прямо и не определяет, но во многом регулирует экономическое поведение; во-вторых, именно через включенность в экономическое поведение и через его результаты экономическое сознание корректируется, изменяется, формируется и т.п. Более того, одним из методологических принципов экономической психологии они считают: «принцип диалектического единства (а не тождества) сознания и поведения экономических субъектов предполагает возможность не только сходства, согласованности, но и различий, противоречий между экономическим сознанием и поведением...» [9, С. 59]. Близко к этой позиции и мнение А.Д. Карнышева и Т.Д. Бурменко, которые считают, что «экономическое сознание детерминирует экономическое поведение» [18].

Мы тоже склонны рассматривать их отношения как отношения единства, что, например, очень ярко демонстрируют такие феномены сознания и поведения, в том числе и экономического, как социальные установки, традиции, привычки, стереотипы, становящиеся в определенных условиях фиксированными формами поведения.

Следует согласиться также с мнением, что рассматривать и интегрировать феномены психики (сознания) и поведения (деятельности) экономических субъектов в их взаимосвязи и взаимной обусловленности позволяет категория субъекта [9, 12].

В специальной литературе большое число упоминаний о разных видах экономического поведения, ориентированных главным образом на сферы экономической жизни: «В наиболее общем виде экономическая или хозяйственная жизнедеятельность определяется экономистами и социологами как система социальных процессов производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ, а также тех связей и отношений, в которые вступают субъекты хозяйственной деятельности» [9]. В качестве же субъектов хозяйствования в экономике традиционно рассматриваются и отдельные индивиды, и малые группы (семья, фирма), и большие социальные общности (организация, этнос, государство). Предлагается структурировать направления и задачи экономической психологии по ряду оснований, в том числе «по видам экономического поведения (производственное, потребительское, предпринимательское, сберегающее и т.д.)» и типам «субъектов экономической активности (индивид, малые и большие общности людей)». К другим видам экономического поведения относят «денежное поведение» [3], экономическое поведение в сфере рекламы, маркетинга и торговли. Более того, А.Л. Журавлев и др. считают, что «предметом экономической психоло-

гии являются психологические закономерности экономического поведения и взаимодействия индивидуальных и групповых субъектов, взаимосвязь и взаимное влияние экономических и психологических явлений» [9]. В этом случае вопрос ставится так: в какой степени и каким образом человеческая психика, поведение и взаимодействие между людьми определяются экономическими факторами?

Несомненно, что особенно актуальной проблема фиксированных форм экономического поведения предстает в условиях радикальных социально-экономических изменений (революций, перестроек, реформ и т.п.). В то же время, как справедливо отмечают А.Л. Журавлев и др. [9], как в западной, так и в отечественной социальной психологии до последнего времени практически отсутствовали эмпирические исследования, специально посвященные анализу динамики социально-психологических феноменов в условиях радикальных социально-экономических изменений, которые затрагивали бы такие базисные экономические отношения, как изменение форм собственности». Следует отметить в качестве исключения исследования, выполненные под руководством А.Л. Журавлева [5–8] и А.Д. Карнышева [17–19], а также докторскую диссертацию В.П. Позняка [21].

Наиболее близкими к идее фиксированных форм экономического поведения являются исследования стереотипов экономического сознания и поведения. В этой связи А.Д. Карнышев и Т.Д. Бурменко [18] пишут, что «социальные установки, позиции, идеи, верования как конкретные проявления мировоззрения нередко принимают для личности характер стереотипных суждений – относительно устойчивых схематичных образов социальных реалий (индивида, группы и групповых отношений, происходящих в обществе событий и т.д.), функционирующих в конкретных больших и малых группах (в данном случае в конкретном этносе)». Здесь же они справедливо отмечают, что стереотипы могут касаться различных сторон действительности, что они жизненно необходимы, поскольку облегчают усвоение многих реалий окружающего мира, способствуют систематизации и классификации знаний и памяти человека, соответствуют стремлению человека экономить жизненную энергию и т.д. Деление же ими стереотипов вообще и экономических в частности на позитивные и негативные нам представляется условным, поскольку любой стереотип, независимо от знака, как системное явление, нередко в силу разных причин, о которых речь пойдет ниже, проявляется в фиксированных формах экономического поведения в виде неадаптивных традиций, вредных привычек, предрассудков, «финансового мышления бедняка» (Кийосаки и Лектер), «выученной беспомощности» (Селлингмен) и т.д. Иначе говоря, с нашей точки зрения,

стереотипы экономического поведения, являясь потенциальными фиксированными формами поведения, при определенных условиях и под воздействием определенных экономических факторов могут трансформироваться в фиксированные формы поведения. А.Д. Карнышев с соавторами связывают это с тем, что хотя «стереотипы в некоторой степени могут модифицироваться и трансформироваться в зависимости от экономических, социальных и политических изменений, процесс этот происходит крайне медленно, хотя на первый взгляд – быстро» [18].

Мы допускаем, что объяснение такой трансформации, хотя и не исчерпывающее, могут дать предложенные Г.В. Залевским [12,13] объяснительные модели фиксированных форм поведения вообще – от линейных до системных – природы ФФП, их сущности и роли в жизнедеятельности людей, а именно: нейродинамической, энергетической, филогенетической, личностно-средовой, диспозиционной, стрессогенной, патогенетической, психодинамической, научения (бихевиоральной и когнитивной), акционально-структурно-уровневой и системной.

В данной статье мы остановимся чуть подробнее лишь на некоторых из них.

Энергетическая модель ФФП, которая встречается уже в работах В.М. Бехтерева, исходит из общего принципа экономии энергии. Ссылки на принцип экономии имеют место и в работах грузинской школы психологии установки Д.Н. Узнадзе. Установка, получившая соответствующую объективным обстоятельствам организацию и возможности, включает в себя готовые, приобретенные опытом схемы и, соблюдая принцип экономии, обеспечивает удовлетворение потребности. Но, как известно, фиксированная установка, соблюдая тот же принцип экономии, не приводит к удовлетворению потребности. А.А. Ухтомский, разработавший учение о доминанте, очень ярко демонстрирует примерами из науки, как принцип экономии, заложенный в самой сути доминанты, хорошо работающий в условиях стереотипных, привычных, обуславливает фиксированные формы поведения в условиях новых, «не совпадающих с доминантой». «Я считаю своим долгом, – писал А.А. Ухтомский, – говорить о том, что многие доктрины и теории в своих выводах и исканиях заранее предопределены тем, что установлены **на покой и на наименьшее действие с самого начала** (выделено мною. – В.З.); действительность заранее усекается ради прекрасных глаз теории» [25].

ФФП как «нарушение личностно-средовой взаимосвязи». Эта объяснительная модель восходит к русскому физиологу и психологу И.М. Сеченову, который более 100 лет назад писал следующее: «Всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов – определенной, но изменяющейся организации и воз-

действий извне. Притом все равно, смотреть ли на жизнь со стороны ее конечной цели – сохранения индивидуума, как на нечто развивающееся, потому что и сохранение в каждый отдельный момент существования достигается путем непрерывных превращений. ...Последнее вытекает из того факта, что во всех организмах сохранение целостности тела и жизни достигается не неподвижностью раз сформированного, а постоянным частичным разрушением и восстановлением элементов тела» [24]. Из высказывания Сеченова, а также из концепций, выдвинутых значительно позже Бернаром («о постоянстве внутренней среды»), Кэнноном («о гомеостазисе»), Павловым («об уравнивании») проводится мысль, во-первых, о гармонии внутренних состояний и внешних воздействий, во-вторых, о том, что эта гармония обеспечивается лишь в том случае, если жизнедеятельность и поведение человека детерминированы внешним постоянно изменяющимся воздействием среды. В случае фиксированных форм поведения имеют место нарушения этой гармонии вследствие того, что поведение детерминировано только внутренним состоянием без учета объективных требований внешней ситуации. Особенно ослабляется и даже полностью исчезает детерминация психической деятельности и поведения человека внешним миром, по мнению целого ряда авторов, при нервно-психических расстройствах. Так, еще В. Гризингер писал, что «существенный процесс сумасшествия, составляющий действительно болезненное состояние, заключается главным образом в том, что известное настроение, чувства, волнения, суждения, решения возникают **изнутри** вследствие болезни душевного органа, тогда как в здоровом состоянии наши волнения, решения вызываются только достаточными **внешними побуждениями** (выделено мною. – В.З.) и потому находятся в некоторой связи с внешним миром» [2]. «Стереотипии – это полностью отделившиеся от общей ситуации виды поведения и... не соответствующие какому-либо объекту окружения. Психически больной человек утратил контакт с миром; он ушел в себя; он не может переживать реальность – физическую или человеческую – такой, как она есть, а только такой, какой ее формируют его собственные внутренние процессы. Он либо не реагирует на внешний мир, либо если реагирует, то не в его понятиях, а только в понятиях своих собственных процессов мышления и чувств» [27].

Иначе говоря, при психических расстройствах «опыт оказывается сведенным к чисто субъективному» (Рей), свидетельством чего, на мой взгляд, и являются фиксированные формы поведения. Близки этой схеме попытки объяснения ФФП через «нарушение механизма обратной связи» (П.К. Анохин, А.Р. Лурия) и «потерю, выхолащивание значения и

смысла» («Lehrlaufreaktionen») – Баж, Лоренц; «laps of meaning» – Якубовиц, Лемберг).

Диспозиционная модель ФФП. Как известно, в основу диспозиционного направления в изучении личности положена идея о том, что «личность – это то, что лежит за конкретными поступками внутри самого индивидуума», что «черта личности является движущим или, по крайней мере, определяющим элементом поведения» [26]. В целом ряде исследований показано, что определяющим личностным элементом фиксированных форм поведения является психическая ригидность. Cattell [29] даже выделил особый ее вид – «диспозиционную ригидность». И в исследованиях Г.В. Залевского [13] также была выявлена связь между местом личности на континууме ригидность–флексibility и характеристиками интенсивности и экстенсивности фиксированных форм поведения. Более того, различная пространственная представленность психической ригидности в личности – парциально, тотально и в качестве типобразующей черты – позволила выделить «ригидный тип личности» и его варианты («астенический», «стенический»).

Стрессогенная модель ФФП. Психологи разных направлений отмечают, что причиной фиксированных форм поведения могут быть связанные с тревогой, страхом, фрустрацией, шоком напряжения (стрессы, точнее дистрессы), вызванные сильно и кратко либо слабо и длительно действующими стрессорами. Последние оказываются теми особыми причинами, под влиянием которых привычное, известное так бережно и упорно охраняется, что к новому, к изменениям проявляется недоброжелательность [20]. Некоторые исследователи считают возможным рассматривать психическую ригидность в качестве состояния и выступающим в этом качестве диспозиционным фактором фиксированных форм поведения. По мнению Wolpert [31], «этот синдром может быть вызван у любого индивида». В исследованиях Г.В. Залевского [13] экспериментальным путем также были выявлены связи между действием стрессоров и ФФП (наряду с trait-rigidity и state-rigidity), проявляющиеся в отдельности или в синергетической связи, что особенно часто отмечается при нервно-психической патологии.

Бихевиорально-когнитивная модель ФФП. Сторонники этого подхода [12] придерживаются того мнения, что фиксированные формы поведения (философия должествования и иррациональные мысли, неадекватные когнитивные схемы и ошибочные суждения, неадекватные установки, плохие и вредные привычки, страхи и депрессии, выученная беспомощность и т.п.) есть результат «неправильного научения/воспитания», в том числе и социального, хотя конкретные механизмы этого научения могут быть самыми разными (Вольпе, Лазарус, Бандура, Эллис, Бек, Селигмен и др.).

Акциональная структурно-уровневая модель ФФП. Идеи данного подхода к ФФП восходят прежде всего к трудам П. Жане [4] и М.С. Роговина [22].

Основными составляющими предлагаемой концепции [13] являются положения: а) о структурно-уровневой организации личности и поведения (деятельности, действия или акции – от action), в котором личность, проявляясь, «становится действительной» (Гегель); б) пространственной (структурно-уровневой) ригидизации личности, обуславливающей особенности проявления фиксированных форм поведения; в) нарушении, в случае фиксированных форм поведения, отношений внутри структуры такого поведения – между высшим акциональным уровнем цели и низшим акциональным уровнем средств. Возможны два варианта таких нарушений: когда фиксированной является средство (средства) и когда фиксированной является цель действия (поведения). В первом случае неадекватное средство (как материальное, так и идеальное) сливается/срашивается с целью, делая акцию неадаптивной, а личность функционирующей на более низком акциональном уровне. Во втором – неадекватная цель становится самоцелью, срашиваясь со средством, делает акцию тоже неадекватной, а личность функционирующей также на более низком акциональном уровне.

Системная модель ФФП (концепция избыточной устойчивости систем). Фиксированные формы поведения могут проявляться как на уровне индивида, личности, т.е. индивидуальных систем, так и на уровне микро- и макрогрупп людей (семья, производственные и общественные организации, этнос, общество и государство в целом), т.е. на уровне групповых систем. Их влияние наблюдается в разных сферах жизнедеятельности человека: в образовании (закрытость образовательных систем, трудности инновационных процессов), науке (неоправданное отстаивание своих идей и «излюбленных» теорий, а также нередко неприятие идей, предложенных коллегами или «другими» школами), культуре (устаревшие традиции, этноцентризм, проявляющийся нередко в ригидных этнических стереотипах и предубеждениях), что особенно заметно в межкультурных отношениях [13]. Определяя любую систему как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», еще L. von Bertalanffy [28] различал «открытые» и «закрытые» системы.

Интересна в обсуждаемом контексте и его мысль о том, что «необходимым условием устойчивости органических систем является постоянное обновление их элементов». Можно предположить, что в «закрытых системах», не только органических, но и социальных, скорее всего, отсутствует это «постоянное обновление элементов» как внутри них, так и во взаимодействии с другими системами. Это происходит, на наш взгляд, потому, что любая система, стремясь

к устойчивости, в силу нарушения, прежде всего, обратной связи «проскакивает» оптимально необходимую меру устойчивости и устремляется к гиперустойчивости (становится избыточно устойчивой), иначе говоря, ригидизируется (коснеет, застывает), становится закрытой, о чем свидетельствуют нарастание числа фиксированных форм поведения и рост их интенсивности [15]. Это, видимо, имел в виду и Rokeach [30], когда писал об «открытом и закрытом сознании» («the open and closed mind»). Это относится и к групповой системе, что демонстрируют такие малые группы, как, например, определенный тип семей, религиозные секты, мафиозные образования и даже большие социальные группы – целые государства, например известные в истории диктаторские и тоталитарные режимы. В. Сатир [23] совершенно справедливо считала, основываясь на своем богатом

опыте психотерапевтической работы с семьей, что в закрытой системе люди не могут процветать. В лучшем случае они могут только существовать, но людям нужно значительно больше.

Разумеется, описанные нами объяснительные схемы фиксированных форм поведения не исключают, а, скорее, дополняют друг друга, находясь в структурно-уровневых отношениях, свидетельствуя, что в конечном итоге стремление любой системы к избыточной устойчивости мультидетерминировано.

В завершение мы хотим подчеркнуть еще раз актуальность проблемы фиксированных форм экономического поведения, особенно для сегодняшней России, где остро стоят вопросы экономико-психологической адаптации населения к рынку, богатству и бедности, инфляции, безработицы и т.д., а также вопросы прогноза экономических изменений.

Литература

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2006. 197 с.
2. Гризингер В. Душевные болезни. СПб., 1881.
3. Дейнека О.С. Динамика макроэкономического образа денег в обыденном сознании // Психологический журнал. 2002. Т. 23, № 2. С. 36–46.
4. Жане П. Неврозы и фиксированные идеи. СПб., 1903.
5. Журавлев А.Л. Динамика социально-экономических явлений в изменяющемся обществе. М., 1996.
6. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 3. С. 3–16.
7. Журавлев А.Л. Социальная психология экономического поведения. М., 1999.
8. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 2002. С. 51–81.
9. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. Т. 1, № 3. С. 46–64.
10. Залевский В.Г. Флексибельность как интраличностный ресурс социальной адаптации // Сибирский психологический журнал. 1998. Вып. 7. С. 99–102.
11. Залевский Г.В. Основы современной бихевиорально-когнитивной психотерапии и консультирования. Томск: ТГУ, 2006.
12. Залевский Г.В. Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 3. С. 32–36.
13. Залевский Г.В. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Москва; Томск, 2004.
14. Залевский В.Г., Залевский Г.В. Фиксированные формы экономического поведения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. Материалы VI науч.-практ. конф. Иркутск, 2005. С. 187–192.
15. Залевский Г.В., Залевский В.Г. Фиксированные формы поведения в контексте концепции избыточной устойчивости индивидуальных и групповых систем // Вестник Томского государственного университета. № 286. Сер. Психология.
16. Залевский Г.В., Залевский В.Г. К проблеме фиксированных форм экономического поведения // Материалы IV Всероссийского съезда Российского психологического общества. Ростов н/Д, 2007. Т. 2. С. 20–21.
17. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Психология собственности. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 174 с.
18. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Собственность: психолого-экономический анализ. Иркутск, 2003.
19. Карнышев А.Д., Бурменко Т.Д. Экономическая психология собственности. Иркутск, 2005.
20. Левитов Н.Д. Психология характера. М., 1969.
21. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов в условиях изменения форм собственности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.
22. Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии: методологические основы. Ярославль: ЯрГУ, 1981.
23. Сатир В. Как строить себя и свою семью. М., 1992.
24. Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1959.
25. Ухтомский А.А. Письма // Пути в незнание. М., 1973. С. 371–435.
26. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge: Addison-Wesley, 1954.
27. Bash K. Lehrbuch der allgemeinen Psychopathologie. Stuttgart, 1955.
28. Bertalanffy L. von. General System Theory. N.Y.: Braziller, 1968.
29. Cattell R. Personality and Social Psychology. San Diego, 1964.
30. Rokeach M. The open and closed mind. N.Y., 1960.
31. Wolpert E. A new view of rigidity // J. of abnorm (soc) Psychol. 1955. Vol. 51.

HOMO ECONOMICUS: ANTHROPOLOGICAL CONTEXT OF ECONOMICAL REALITY
V.G. Salevsky (Tomsk)

Summary. Presented theoretical look on the economical behavior, introduced the concept «fixed forms of economical behavior», was tried to give the classification of fixed forms of economical behavior, basically economical categories and some explaining models of FFB.

Key words: economical behavior, fixed forms of economical behavior, economical categories, rigidity-flexibility, models of FFB.